

Кожемякин Е. А., Артамонова Е. С.

СОВЕТСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ОТ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ДО МИФОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ

Кожемякин
Евгений Александрович

доктор философских наук,
доцент Белгородского государственного
национального исследовательского университета

Артамонова
Екатерина Сергеевна

магистр Белгородского государственного
национального исследовательского университета

Последние десятилетия, прошедшие со времени распада СССР, характеризуются динамическими принципиальными изменениями дискурсного поля в России. «На смену идеологически обоснованной коммуникативной среде, создающей целостный дискурс, являющийся коммуникативно-языковым воплощением единой концептуальной картины мира, приходит его многовариантность» (Резанова, 2008: 63). Формирование открытого общества способствовало широкой деидеологизации русского языка (Ермакова, 1997; Русский язык., 1996; Складневская, 2001; Современный русский язык, 2003). Тем не менее, в современном дискурсе по-прежнему частотно цитирование инодискурсивных элементов, обнаруживающих принадлежность к советскому языку. Это преимущественно его идеологические (в советский период развития русского языка слово *идеология* стало преимущественно употребляться для обозначения семантической сферы политического (Кутенева, 2008: 7)) и мифологические фрагменты (мифологемы как языковые носители мифов), так как они являлись «основными единицами тоталитарного языка, передающими определённую мировоззренческую установку и имеющими предписательный характер» (Купина, 2008).

Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть, какую функцию выполняют и как трансформируются советские мифологемы в современных российских изданиях («Завтра», «Коммерсант», «Известия») с различными

идеологическими позициями и особенностями медиатекстов. Также мы сможем ответить на вопрос, какое отношение к советскому наследию превалирует, и какие фрагменты произведений «мифологической машины» все еще функционируют, открыто или завуалировано.

Как отмечает Г. Г. Почепцов, новые ценности мифологического порядка в раннем СССР постулировались по модели «советский + X», которая акцентировала характеристики, отличные от описывающих «**буржуазное общество**» (Почепцов, 2001).

По этой модели был сконструирован миф о создании новой человеческой формации – **советского человека**, «гармонично сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство» (программа КПСС, 1961), а также мифологема новой исторической общности – **советского народа**, которые по отношению к перечисленным выше характеристикам буржуазного общества должны были занимать противоположный полюс.

«Практически любая область жизни была «закрыта» той или иной мифологемой, – пишет Г. Г. Почепцов. – При этом они работали как некий стабилизирующий фактор, задающий условия функционирования. Такая мифологема действовала как сильный центростремительный феномен, запрещая отклонения от сформулированных эквивалентностей. Эти мифологемы строят подобные цепочки эквивалентностей, задавая необходимую иерархизацию обще-

ства» (Почепцов, 2001). В качестве примеров символов-конденсаторов ситуации исследователь приводит следующие: *мы пойдем иным путем; народ и партия едины; слава КПСС; здоровье народа – богатство страны; ум, честь и совесть; решения <...> съезда в жизнь; решения <...> съезда выполним; профсоюз – школа коммунизма; партия – наш рулевой.*

Фундаментальной чертой «нового сознания» являлся утопизм. В большей степени он проявляется в представлении о социализме (коммунизме). Советские словари определяли эту мифологему как «бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производственные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого – по способностям, каждому – по потребностям»» (10). Мифологема коммунизма являлась фундаментальной мировоззренческой мифологемой XX века. В «Истории КПСС» 1986 года говорилось: «Коммунизм стал самой революционной силой развития человечества, господствующей идеологией нового общества, в котором живут уже сотни миллионов населения мира» (Толковый словарь..., 1998: 311).

Близка к мифологеме коммунизма мифологема **пути «к светлому будущему»**, сквозь призму которой «была осмыслена вся история европейского и российского революционного движения и путь культурного, прежде всего промышленного освоения новых территорий, строительства новых дорог, коммуникаций, поселков и городов, предприятий, освоения космоса» (Лелеко, <http://>).

Советская культура позиционировала себя как культура героев, и необходимое предельное напряжение всех сил породило и «трудовые» мифологемы: **трудовой подвиг, передовик, ударник, отличник** и т. д. Как пишет Д. Быков, и это наиболее распространенный современный взгляд на данный тип советских мифологем, «меркой результативности труда в советском искусстве являлось прежде всего

его количество, затем – степень тяжести (желательно максимальная, вплоть до риска для жизни) и, наконец, его иррациональность – в смысле принципиальной нерациональности» (Быков, 2002: 11–16).

Так как движение к коммунизму и светлому будущему должно было осуществляться единомышленниками, связанными чувством идейной близости, в ход шли мифологемы **дружба народов**, под которой понималось «всестороннее братское сотрудничество и взаимопомощь народов и наций, ставших на социалистический путь развития; в многонациональных государствах – одна из движущих сил развития социалистического общества; в межнациональных отношениях социалистических стран – основа единства в борьбе за мир, за сохранение и умножение социалистических завоеваний, за торжество идей коммунизма» (БСЭ), а также **интернационализм** как «международная солидарность рабочих, трудящихся различных наций и рас, проявляющаяся в психологии, идеологии и политике» (БСЭ).

Одной из наиболее фундаментальных черт советской культуры являлся мотив врага и пафос борьбы с ним. Деление на своих и чужих, поиски «чужих» внутри страны и противоборство с капиталистическими странами породили множество мифологем: «враг народа», **загнивающий капитализм, агрессивный американский империализм, вражеское окружение, американская угроза, поджигатели войны** и др. В. Легойда отмечает: «В Советском Союзе роль советской идеи, призванной скреплять общество, долгое время выполняло представление о противоборстве двух систем. Биполярный мир, который идеология послевоенного мира и экономические интересы военно-промышленного комплекса привели к гонке ядерных вооружений, очень четко делил всех и вся на своих и чужих» (Легойда, 1998: 111).

Итак, уточним содержание понятия «мифологема». Мифологемой является то, что следует за словами «миф о ...». Это слово или словосочетание, которое выступает в тексте как имя собственное: «Мифологемы – коллективные и индивидуальные – являются именами

собственными, либо выступают в функции имен собственных. Говорить <...> о содержании имен собственных или, тем более, пытаться разложить это содержание на компоненты, было бы бессмысленно. Однако каждое слово, а мифологема – особенно, помимо своего референциального значения и вне зависимости от того, обладает ли оно сигнификативным значением или нет, в памяти говорящего/слушающего включено в некоторый круг привычных ассоциаций, понятных только носителю данной культуры. Подобного рода ассоциации могут материализоваться в виде постоянных эпитетов или других слов-спутников, сопровождающих, как правило, появление данной мифологемы в тексте» (Лотман, 1982: 395).

Перечислим основные признаки, по которым мы выделяем советские мифологемы в тексте:

- клишированность. Мы понимаем под клише «стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый, готовый к употреблению и поэтому наиболее удобный знак для выражения определенного содержания» (Ярцева, 1990);

- номинация. Советские мифологемы являются знаковыми языковыми единицами, предназначенными для именования и вычленения фрагментов действительности, формирования соответствующих понятий о них в форме слов, словосочетаний, фразеологизмов, предложений;

- отнесенность к советскому прошлому;
- определенный эмоциональный заряд, магическая функция.

Советские мифологемы в идеологическом дискурсе газеты «Завтра»

Ориентация на Советский Союз, воспроизведение советской идеологии, поиск ответов на актуальные вопросы в прошлом, надежда на возрождение коммунизма, – газета «Завтра» формирует специфическую картину мира, разделяя историю СССР на два периода – «великой державы» времен Ленина и Сталина, которую населяли «люди сверхсознания»

(мифологема «нового советского человека»), и последующий период, когда «Советский Союз, раздавленный гниющей бюрократией, уже не был фактором раскрепощения человека» (№ 16, 2008).

Основной развиваемый миф – демиургическая деятельность Ленина-Сталина в прошлом. Публикации, посвященные Ленину, словно перепечатаны из советских газет времен апогея его культа: речь идет о выдающихся качествах его личности, исторической значимости основателя советского государства:

«Первое, что бросается в глаза в фигуре Ленина, – тактическая гениальность.

... Жестокие и часто внезапные тактические повороты Ленина никогда не были, как это кажется иногда при чтении по диагонали учебников враждебно настроенных к нему авторов, беспорядочными, суетливыми метаниями. Они были всецело подчинены, как движение парусного судна галсами в условиях встречного ветра, достижению стратегической цели, которую он понимал на всем протяжении своей сознательной жизни четко и однозначно.

... Целью Ленина было построение в условиях уже более чем столетней давности более свободного, более справедливого, более гуманистического общества.

И, несмотря на весь ужас, грязь и кровь революционной деятельности и гражданской войны, несмотря на то, что основная часть созидательной работы была сделана уже после его смерти, а во многом и помимо его непосредственных замыслов, она была сделана его людьми и его организацией, любовно собранной и свинченной им буквально вручную – по человечку, по камешку.

И потому он – победитель» (№ 16, 2008).

Публикации о Сталине наполнены другим содержанием. Прежде всего, Сталин – вождь победы, народов, создатель великой державы и новой формации – советских людей, обладающих «трехмерным сознанием», продолжатель дела Ленина:

«В чем же притяжение фигуры Вождя Народов и почему, даже спустя более полвека, его так и не удаётся окончательно похоронить в народной памяти? Почему он по-прежнему

незримо пронизывает всё окружающее нас пространство?

Судя по соцопросам, таким телепроектам, как «Имя России» или «Суд времени», **Генералиссимус** и по сей день остается символом не только славного прошлого **великой державы**, но и возможного **светлого будущего** для огромных масс россиян...

Как был прозорлив президент Франции Шарль де Голль, которому принадлежит высказывание: «**Сталин** не ушел в прошлое. Он растворился в настоящем» (№ 21, 2011).

Таким образом, фигуры вождей, как и в советские времена, наделяются бессмертием.

По-прежнему сильна мифологемная оппозиция «**социализм (коммунизм) – капитализм**». Противопоставление мифологем способно создавать эффект легкой иронии:

«Как ни петляла избранная нами в мутные революционные девяностые годы дорожка, а вывела-таки к простой истине: не той она оказалась, совсем не той. Мы всё говорили в старой жизни о «**социализме с человеческим лицом**», старались всем миром, чтобы так оно и было. И ведь получалось! Относились друг к другу – не всегда, но в большинстве своём – по-братски. Старались, во всяком случае.

Потому, может, и так приятно смотреть «старые» советские фильмы, где у нас действительно человеческие лица, да и поступки, в общем-то, далеки от сегодняшних, от **капиталистических**» (№ 11, 2011).

Россия, как и Советский Союз, представляется со всех сторон окруженной **врагами**, внутренними и внешними. Мифологема «враг народа» имеет мало общего с тем, что она означала в советское время, так как врагами народа называются те, кто «уничтожает и грабит население» – олигархи и чиновники. Однако внешние враги остаются теми же, что и в эпоху «холодной войны», более того, утверждается, что холодная война еще не закончилась: «**Всё это говорит об одном: Холодная война, как мы её знали, не прекратилась в 1991 году. Сегодня она разгорается вновь. Эту войну ведет Запад против России. Нынешний кризис – одна из фаз Холодной войны. Она не кончится ни завтра, ни через год. Вся внутренняя и внешняя полити-**

ка нашей страны отныне будет определяться категориями Холодной войны. И цель войны, со стороны **Запада**, глобальна и смертельна для нас – уничтожение России, предуготовление ей судьбы СССР» (№ 35, 2008).

Особым образом в газете осмысливается мифологема **дружба народов** (а также **интернационализм**). Авторы не отрицают, что «дружба народов» была, прежде всего, идеологическим постулатом СССР, однако считают, что она принесла огромную пользу и привела к реальной дружбе народов:

«Горжусь своим происхождением из породы поэтов, которые выросли на **интернациональном братстве**. На улице нашего детства под термоядерным Семипалатинском жили русские и казахи, украинцы и крымские татары, немцы и уйгуры, китайцы и чеченцы. Если бы нашу непобедимую команду назвали «**Интер**» – это было самым точным именем собственным. Но мы не знали таких тонкостей» (№ 19, 2011).

Близка к ней мифологема **советского народа** как новой исторической общности, к сплочению которого сегодня призывают со страниц газеты:

«...Прошло 65 лет с того дня...

...Где Советский Союз? Где **Советский Народ**, одержавший Ту Победу?

...Ах, мои родные братья, где нынче **Братство Народов**?.. Где любовь людей?..

Но Советский Народ не уничтожен! Народ нельзя уничтожить!

...

Да здравствует, да воскреснет великий бессмертный **Советский Народ!**...» (№ 18, 2010).

Наряду с дружбой народов авторы предлагают возродить былое значение **труда** и **трудовых подвигов**. **Герои пятилеток, великих строек, труда** выступают в качестве образцов для подражания:

«Развитие невозможно без того, чтобы опять не вернулся на экраны **человек труда**, созидатель, мудрец, философ. Человек огромных горизонтов, огромного жизненного опыта, способный на **духовный, трудовой, боевой подвиг**» (№ 22, 2008).

Подчеркивается непреходящее величие советской символики и верность **красному флагу**:

«Вот они сядут меж нами – отцы наши, братья и деды. Глянут в глаза сыновьям или внукам пылливо: «Ну, каково тут, родимые, вам после нашей Победы? Вся ли Отчизна живёт хорошо и счастливо?..»

Вы уж привыкли, поди, к тому самому светлomu завтра, что политрук обещал нам, когда одолеем вражину? Эх, не дошли мы... Но всё ж на душе не досадно: значит, не зря свои головы мы положили...

Вон как живёте: дворцов понастроили разных, всюду машины, витрины – чего, брат, в Москве только нету!.. Только постойте: а флаг над Кремлём – вроде как бы не красный! Что это значит?! А ну, растолкуйте нам это!..

*Вон на горе – не музей ли Победы, однако? Вроде и танки, и пушки стоят для обзора... Купол и шпиль... Но и там нету **Красного Флага**! Как же дошли вы, сынки, до такого позора?..» (№ 19, 2009).*

Красный флаг, восходящий к Святой Руси, противопоставляется современному российскому флагу, ориентированному на Европу:

«В Святой Руси флаг был треугольный красный. Именно такой красный треугольный флаг изображен на православных иконах «Благословенно воинство Царя Небесного», «Бой Суздальцев с Новгородцами», «Покорение Сибири Ермаком» и др.

Синий цвет «европейского просвещения» с коммерческим «триколором» и военно-морским «андреевским крестом» принес в символику России Петр I. Ныне это цвет флагов Евросоюза, НАТО и либеральной демократии в целом» (№ 19, 2010).

Таким образом, являясь носителем советской идеологии, газета «Завтра» оперирует большинством советских мифологем. Они используются для сравнения современной «капиталистической» реальности с социалистической, где были «великие стройки», «трудовые подвиги», «вожди-отцы», «герои» и т. д. не в пользу первой. Многие материалы посвящены проблеме вытеснения советских ценностей и мифологем из умов россиян,

разоблачению современных мифов, дискредитирующих Советский союз. Целью издания видится возвращение советских мифологем в первозданном виде, напоминание о них, воссоздание духа эпохи и отрицание современной действительности, в которой им уже нет места.

Использование советских мифологем как языковая игра в газете «Коммерсант»

В газете «Коммерсант» активно используются такие советские мифологемы как «светлое будущее», «коммунизм», «капитализм», «дружба народов», «вождь», «герой труда», «трудовой подвиг» и др. В духе сегодняшнего времени они лишены своей идеологической подпитки и располагаются на отрицательном полюсе оценочной шкалы. Однако негатив критики «тонет» в удовольствии от языковой игры, которой авторы окутывают каждую мифологему. Языковая игра понимается нами как генератор смысла, образующий семантическую структуру журналистского текста.

Рассмотрим, к примеру, употребление мифологемы пути (к **светлomu будущему**). С помощью парцелляции, основываясь только лишь на игре смыслов, автору следующего текста удастся активировать целый пласт значений этой мифологемы, появившихся позднее: «будущее-утопия», «пустые обещания», «враньё»:

*«Личным примером политической сознательности на сограждан воздействовал и президент ПМР Игорь Смирнов, бесценно возглавляющий регион уже 20 лет. Проголосовав, он сообщил, что отдал голос «за народ и его будущее». Разумеется, **светлое**». Далее выясняется, что «Ситуация в ПМР, сложившаяся в первую очередь благодаря Смирнову, противоречит интересам приднестровского народа. Но не противоречит интересам Смирнова и его семьи. Руководство РФ должно последовательно давить на Смирнова, с тем чтобы гармонизировались не только законы ПМР и России, но и практика их применения, – заявил господин Островский «Ъ» (№ 230/П, 2010).*

В следующем примере эффект легкой иронии и извлечение новых смыслов создаются путем обыгрывания речи респондента:

«Перед началом спектакля директор агентства театров танца ЦЕХ Елена Тупысева рассказала о критериях отбора молодых хореографов из Швейцарии, Португалии и Франции (об отечественных участниках фестиваля см. «Б» от 24 июля). Главное, что их объединяет, – это эксперимент. Госпожа Тупысева предупредила, что их спектакли могут быть спорными и неоднозначными, но за ними видится **будущее** современного танца. Эти слова не разошлись с танцем Марисы Годой. <...> Чего нельзя сказать про португальца Иво Серра из ассоциации «Бомба суицида». Резкие вспышки света, невнятная рябь на экране и еле различимый в темноте танцор, по преимуществу занимавший горизонтальное положение, нагоняли тоску. И показалось, что с этим португальским экспериментатором суицид более вероятный исход, чем то **светлое будущее**, про которое вначале говорила госпожа Тупысева» (№ 130, 2008).

Иллюзорный, утопичный характер в трактовке издания носит мифологема **коммунизма**, примыкающая по семантике к мифологеме **светлое будущее**. В основном, они используются в издании не для разоблачения советской идеологии, а для развлечения читателя:

«Коммунизм-на-Амуре»

Владимир Путин вернул завод государству **по просьбе трудящихся**. Господин Путин, зная, очевидно, о плачевных делах Амурского судостроительного завода, был все-таки под впечатлением увиденного. На совещание он взял с собой рабочего Александра Астраханцева, который в одном из цехов начал говорить премьеру, как было бы хорошо, если бы предприятие вернули государству (сейчас оно принадлежит группе частных акционеров). Появление таблички «Астраханцев Александр Сергеевич» рядом с премьерской табличкой вызвало ажиотаж среди участников совещания.

– Это кто такой-то? – ревниво спрашивал у коллег губернатор Приморья господин Дарькин.

Когда все разъяснилось, кто-то из участников совещания негромко сказал:

– Да, **Ленин и печник...**

Печнику между тем было суждено сыграть историческую роль в этом совещании» (№ 82/В, 2009).

Так как советская мифологема **«коммунизм»** в газете подвергается обличению и иронии, то логично было бы увидеть, как оппозиционная мифологема **«капитализм»**, в советское время характеризовавшаяся эксплуатацией наёмных рабочих капиталистами, присвоением ими создаваемой трудом наёмных рабочих прибавочной стоимости и т.д., также меняет полюс своей оценки. Однако этого не происходит – негативная оценка капитализма по-прежнему сохраняется:

«В отличие от Рогинского Григорьева очень тонко среагировала на изменения в колорите и поведении своих персонажей, происшедшие с Россией после перестройки. Чем дальше в 90-е, тем более резкие цвета вводит она в работы. Ее, может быть, главная картина «Передача чайника» представляет собой сценку с налетом доброго абсурда: одна баба в ситце протягивает другой кислотно-зеленый чайник китайского производства. Григорьева идеально ловит дешевизну и яркость нового, **капиталистического мира**. Любимые ею бабы, чем дальше, тем больше фривольны. Они запрокидывают головы с яростью вакханок, а портреты курящих девушек двухлетней давности напоминают по раскованности героинь сериала «Школа» (№ 233, 2010).

Однако до активного использования советских штампов времен «холодной войны» в отношении капитализма и западных стран не доходит. Высмеивание фильма «Чужие» Юрия Грымова, а заодно и советских мифологем **загнивающий империализм**, **американская демократия** и т.д. происходит в следующей публикации:

«Хороши все жанры, кроме скучных, так что и этот не вызвал бы особого протеста, если бы патриотизм не накачивался методом «от противного» в славных традициях советского агитпропа, да и тот редко доходил до подобной оголтелости в изображении **загнивающего империализма**.

...

Скорее по этому поводу вспоминается другой фильм того же Скотта «Черный ястреб»,

где военная операция американцев в Сомали показана как противостояние масс, а не идеологий, или выходящая на экран «Совокупность лжи». Именно от визионера Грымова, неплохо чувствующего физические фактуры, можно было ждать чего-то в этом роде. Но нет, он оказался в плену самой же жестко прочерченной схемы, совпавшей с **генеральной линией партии и правительства**» (№ 206, 2008).

Далее рассмотрим, как отражаются в газете «Коммерсант» мифологемы-антропонимы **Сталин** и **Ленин**. Заметим, что имена советских правителей по-прежнему содержат в своей когнитивной структуре приписываемые политикам атрибуты: Сталин зовется отцом народа, Ленин – вождем мирового пролетариата и т. д., однако это сделано опять же для создания эффекта иронии:

«Сталина на них нет. «Девушка и революционер» в театре «Практика».

«Интересно поставлено», – задумчиво одобрила зрительница странные вольности режиссера спектакля Владимира Агеева.

*Где-то в середине спектакля она наконец-то поняла, что человек, которого на сцене уже раз двадцать называли Иосифом, не кто иной, как **товарищ Сталин** и что речь идет об **Октябрьской революции**, которую **будущий отец народов** коротал с юной прелестницей Надеждой Аллилуевой. Многие, конечно, это поняли раньше, потому что к тому времени со сцены уже упомянули Бронштейна, Каменева, Зиновьева и даже самого Ильича... В пьесе Игоря Симонова все ясно: Иосиф представлен (Евгений Стычкин – умелый, энергичный артист, смотреть на него интересно) циничным, ни во что не верящим хитрецом и грубияном, уже созревшим для всех злодеяний, которые ему предстоит совершить. Правда, по сюжету «Девушки и революционера» выходит, что на будущие «подвиги» его вдохновляет жена, но что это меняет?» (№ 72, 2009).*

В издании «Коммерсант» на первое место выходит критика не его культа, а его злодеяний, отсюда и игровой заголовок – «Сталина на них нет».

Интересно, что когда, к примеру, мифологема **отец народа** полностью отрывается от личности Сталина, она приобретает другие

оттенки значения, вплоть до положительных. Так, заголовок публикации о том, что Рамзан Кадыров стал генсеком Всемирного чеченского конгресса, звучит: «Молодой **отец чеченского народа**» (№ 191, 2010).

Ленина, в отличие от Сталина, не критикуют: его образ подвергается десакрализации, снижению, что, прежде всего, отражается в заголовках: «**Владимира Ильича** поздравили венками и клятвами», «Дырка от **Ленина**» («Взрыв самодельной бомбы пробил метровое отверстие в плаще бронзового **Ильича** чуть ниже спины. Как сообщили «Ъ» сотрудники предприятия, покушения на этот памятник были и раньше: около полугода назад **фигуре вождя** оторвали голову и бросили ее в мусорный бак» (№ 58, 2009), «**Ленин** в разлив».

Наряду с образом Ленина десакрализации подвергается и **Великая Октябрьская социалистическая революция**:

*«Согласно Виктору Пелевину, Октябрьский переворот произошел оттого, что у двух юнкеров, дежуривших на Шпалерной, случился отходняк после кокаина с эфедрином. Такой жестокий, что они не заметили крадущегося в Смольный **Ленина**. Во время дежурства 24 октября 1917 года юнкера Юрий и Николай нюхают кокаин, читают стихи и рассуждают о Шпенглере. Впрочем, службу они поначалу несут ревностно. И если капитан Приходов (фамилия, конечно, говорящая) велел «не пропускать к Смольному ни одну штатскую б...» – будьте уверены, не только б... не пройдет, но и **будущему вождю мирового пролетариата** прокрасться будет сложно. Как водится в русских сказках, добрых молодцев у Виктора Пелевина испытывают трижды: сперва **Ильич** является им в образе чеховского интеллигента с тросточкой, потом в виде заматанного бинтами участника Брусиловского прорыва и, наконец, спрятавшись среди бутылок в тележке с лимонадом, которую везет под видом торговца **товарищ Эйно Рахья**. Юнкера к этому моменту успевают так нанюхаться кокаина, а потом еще догнаться эфедрином, что принимают за чистую монету рассказ о лимонаде, которым велено напоить все воинские части. И **хитрый Ильич** проникает в Смольный (№ 48, 2008).*

Иное значение, нежели в советские времена, приобретает мифологема **дружба народов**: «По мере того как **Россия становится все большим другом венесуэльского народа и президента Уго Чавеса**, все чаще возникает вопрос: «Что Кремлю, собственно, надо в Латинской Америке?» (№ 168, 2008).

В том же ключе осмысливается мифологема **дружба народов** в интервью с главой Северной Осетии Таймуразом Мамсуровым о том, почему на Кавказе происходят теракты:

«— У вас есть чувство вины?

— Конечно. Я же глава республики. И я знаю, что ни я, ни президент Ингушетии, ни центр — никто ничего не может сделать в одночасье, чтобы остановить это. Это война. И мы должны своим людям честно об этом сказать. Не петь про то, что **все хорошо и дружба народов**, а дурак, который пришел нас взрывать, он будет последним, мы поймем его, накажем, и все закончится. Я эту чушь горюдить не собираюсь» (№ 178/П, 2010).

В газете «Коммерсант» также преломляются советские мифологемы **герой труда**, **трудовой подвиг** и **великие стройки**:

«1-я Уральская индустриальная биеннале в Екатеринбурге. С рабочих, собственно, все и начинается. При входе можно посмотреть документальный фильм голландского режиссера Йориса Ивенса «Песнь о героях» 1932 года, замечательный памятник заблуждения иностранца перед лицом **великих строек**, сравнимый, наверное, только с книгой «Москва, 1937 год» Лиона Фейхтвангера. Голландец в упор не видит **принудительного труда**, для него масса рабочих — просто «герои». В пару к фильму кураторы подобрали портрет «**ударника** и изобретателя Макарова» малоизвестного художника 1930-х Амиея Нюрнберга, представленный на выставке в виде копии. К современности все это привязано рассуждениями о том, что современные художники тоже **ударники**, а искусство должно принадлежать каждому».

Мифологема **трудовой подвиг** используется все с той же присущей изданию иронией:

«Легконогая Екатерина Осмолкина играла в концерте роль палочки-выручалочки, отвечающая и за технику, и за «лирику». Ни в том,

ни в другом она особо не преуспела. В «балконном» дуэте из «Ромео и Джульетты» Леонида Лавровского ее анемичная героиня строго держалась в рамках приличий. А в убийственном по сложности па-де-де «Диана и Актеон» балерина убрала из коды все вращения, чем обесмыслила свой **трудовой подвиг**» (№ 77, 2008).

Из-под пера журналистов выходят словосочетания «**передовики угарного труда**, **ударная душа советских людей**» (№ 90, 2008) и многие другие. Однако столкновение мифологем способно продуцировать гораздо больше новых смыслов. Рассмотрим следующий пример:

«Банкиры пришли за премиальными. Поздравить **передовиков капиталистического труда** прибыли также советник президента ОАО РЖД Татьяна Парамонова, губернатор Нижегородской области Валерий Шанцев, вице-спикер Госдумы Олег Морозов и другие» (№ 228/П, 2009).

Мифологемы **передовик** и **капиталистический труд** имеют в газете критическое звучание, однако в данном примере, на наш взгляд, автор не ставит цели критиковать героев публикации — это всего лишь удачный пример языковой игры, направленной на привлечение внимания к тексту и обогащение его новыми смыслами.

В контексте данного издания не могла не потерять вложенного в нее в советские времена значения мифологема **интернациональный долг**:

«Когда кризис по настоящему ударит по дряхлой белорусской экономике, вот тогда Лукашенко и может обратиться к Москве, а Россия выполнит свой **интернациональный долг**. Оппозиционер всерьез опасается, что под вопросом может оказаться независимость Белоруссии: «Известно, что российские войска в страну охотнее входят, чем выходят. Ограничится ли их миссия просто учениями?»» (№ 166, 2009)

Мифологема **враг народа**, которой, согласно сталинскому тезису, обозначались классовые враги (**контрреволюционеры, вредители, шпионы, диверсанты, врачи-убийцы**), в газете «Коммерсант» встречается редко. Но журналистам удается извлечь юмор и из нее:

«Вышедший на экраны *«Концерт»* Раду Михаэляну – фильм-анекдот, ни на что особенно не претендующий, получил заметный резонанс в Европе. В брежневские времена дирижер Большого театра Андрей Филиппов (Алексей Гуськов) отказался увольнять из оркестра евреев, в результате гэбэшник прямо во время концерта с криком *«Враг народа!»* сломал его дирижерскую палочку, а заодно и карьеру. Прошли годы, наступила перестройка. Мечта сыграть перед достойной публикой любимый концерт Чайковского живет в душе экс-дирижера, ныне уборщика в том же Большом» (№ 197, 2010).

Использование советских мифологем в газете часто связано с намерением автора дистанцироваться от советской эпохи, показать, что она со всеми своими мифами осталась в прошлом. В таком случае он, как правило, прибегает к совокупности мифологем, например:

«В корпусе Бенуа Русского музея открылась выставка *«Гимн труду»*. На ней представлено более двухсот произведений живописи, скульптуры, графики и декоративно-прикладного искусства, посвященных **трудовым подвигам советского народа**. Проникнутыся **производственным энтузиазмом** попытался СТАНИСЛАВ САВИЦКИЙ» (№ 143/П, 2010). Последнее предложение лида, а также заголовок *«Герои труда в залах выставки похожи на исторические окаменелости»* уже задают читателю угол чтения: *«Сталевары перед мартиновской печью, промышленные гиганты, сулящие светлое будущее молодой советской республике, и сцены **трудового порыва** представлены в залах корпуса Бенуа как экзотический раритет. Кураторы экспозиции подчеркивают не карикатурность этого искусства, но его уникальность и эксцентричность, в очередной раз пытаясь привить зрителю пие-тет к советской эпохе»*, чего автор публикации, разумеется, делать не стал.

Цитирование мифологем, а также фрагментов советских текстов и лозунгов, является действенным приемом, использующимся для создания эффекта иронии, поэтому нередко инодискурсивные фрагменты выносятся в заголовки: *«Нет таких областей, которых не могли бы взять коммунисты»* о драках

на митингах КПРФ (№ 184, 2009); *«Всесоюзный стилистический субботник»* (№ 238/П, 2009); *«Мир – народам, земля – христианам»* о том, что Минэкономразвития придумало, как экономически развить все конфессии (№ 32/В, 2009); *«Пролетариат запретят сдавать в аренду»* (№ 207, 2010).

«Коммерсант» является одной из немногих газет, в которых повышенное внимание уделяется не только содержанию, но и языку. Поэтому в силу своей противоречивости советские мифологемы представляют для издания огромный интерес. Они используются для создания эффекта иронии, продуцирования новых смыслов. Здесь нет разоблачения – да и к чему оно? Советские мифологемы превратились в настолько безобидные понятия, что над ними можно только посмеяться.

Советские мифологемы как предмет разоблачения и десакрализации в газете «Известия»

Газета «Известия» принадлежит медиамагнату из Санкт-Петербурга Юрию Ковальчуку и группе «Согаз». На должность заместителя главного редактора взят партийный функционер «Единой России» Илья Киселев. Исходя из того, что газета является общественно-политической и проправительственной, в ней весьма часто встречаются формулировки мифологем, преподносимые в контексте разоблачения, ведь, как отмечает Е. Шейгал, политический дискурс отражает борьбу между теми, кто создает мифы, и теми, кто их разоблачает (67, 140). Особенно это касается большинства советских мифологем, таких как дружба народов, интернационализм, враг народа и др. Авторы не скрывают своего негативного отношения к Советской эпохе и идеологии. Языковая категория оценочности проявляется в газете довольно ярко.

На страницах «Известий» разоблачается миф о **Великой Октябрьской социалистической революции**, говорится о «более не великом октябре», а само это событие носит в газете название **октябрьского переворота**, значение которого оценивается не более и не менее чем «изменение хода мировой истории» вместо его советского определения как «первой в истории

победоносной социалистической революции, совершенной в 1917 рабочим классом России в союзе с беднейшим крестьянством под руководством Коммунистической партии» (БСЭ):

*«92-ю годовщину **октябрьского переворота** отметили по всей России. Несмотря на то, что 7 ноября уже несколько лет как не красный день календаря, на улице с флагами или просто погулять вышли люди самых разных возрастов. При любом отношении к октябрьскому перевороту, большевикам и Владимиру Ильичу Ленину лично нельзя не признать, что эти события изменили ход мировой истории» (09.11.09).*

*«Зюганов – не **Ленин**, а «Единая Россия» – не Временное правительство. Мифы о том, что **коммунизм и революции** – это романтика и ведут к прогрессу, слишком живучи. Накануне 7 ноября представители клубов «Единой России» поделились с «Известиями» размышлениями о более не великом **октябре**» (06.11.09).*

Авторы прибегают к собственному толкованию октябрьских событий, чтобы лишить их священного ореола:

*«Сегодня, в канун 7 ноября, мы вспоминаем **события 1917 года**. Что происходило тогда в России? 3 апреля в воюющую страну въехал вагон, в котором находился человек, открыто призывавший к поражению собственной страны в войне. Этого человека бережно вез неприятель – немец. И удивительным образом Временное правительство, забыв о здравомыслии, пропустило его. Многие надеялись, что с момента свержения царя этот человек изменил свои позиции. Но стоило ему подняться на броневик и произнести с характерной картавинкой свою речь, стало понятно: позиции свои он не изменил.*

*Он по-прежнему требовал поражения собственной страны. Он по-прежнему был за разжигание анархии, по-прежнему – за то, чтобы обрушить только что, месяц назад, созданное и очень робкое Временное правительство, которое пыталось восстановить в воюющей стране хотя бы какой-то порядок. Этим человеком был **Владимир Ленин**» (06.11.09).*

Демифологизации подвергаются образы И. Сталина и В. Ленина.

Как и в советские времена, авторы рассуждают о личных качествах В. Ленина, однако

теперь в текстах появляется отрицательная оценка:

*«Надо отдать **Ленину** справедливость: идея преобразовать отнятые дачи, дворцы и монастыри в рекреационно-лечебные учреждения связана, прежде всего, не с комфортом советских сановников (сановников в нынешнем понимании тогда и не было еще), а с воспитанием и лечением детей. Не сказать, чтобы **Ильич** так уж сильно любил их, как приписывают ему бесчисленные слезливые мемуары: он вообще никого в собственном смысле не «любил», не понимал вообще, что это такое. Тут был какой-то врожденный порок, эмоциональный дефицит – ненавидеть-то он умел великолепно» (13.05.11).*

Как мы видим, оценка деятельности и личности Ленина в целом отрицательная, однако не до такой степени, как Сталина:

«...И тут капитан выдал такую порцию отборнейшего русского мата в адрес лидера своей страны, что на душе посветлело.словно на родине побывал.

*– Ведь у вас же был **Сталин**, забыли уже? Каддафи хуже **Сталина**. Хуже Саддама! Каддафи, как Гитлер, – капитан обрадовался точному сравнению. – Он своим дает все, а остальных убивает. Нам еще предстоит узнать о зверствах, которые творились в Ливии последние 30 лет.*

– Так что ж вы его терпели так долго?

– А вы сколько терпели коммунистов?

Крыть было нечем» (13.10.10).

*«В 37-м году словно Божий гнев излился на часть организаторов революции. «Старые большевики» не могли понять – за что? Самое страшное наказание – непонятное, беспричинное... Мы же в одной банде, подельники... Чем Ворошилов лучше травившего крестьян газами Тухачевского? Чем Берия лучше Ягоды и Ежова? Калинин – Каменева и Зиновьева? Приговоренные каялись и взывали к **Сталину** как главарю банды – требовали суда «по понятиям»... Может, не к тому Суду взывали?*

*Но и те из «**вождей**», кто пережил репрессии, все равно будут прокляты вовек – следующими поколениями» (06.11.09).*

Нетрудно догадаться, что в современных дискуссиях на вопрос, можно ли приравнять

сталинизм к фашизму, газета отвечает положительно:

«Дмитрий Быков в «Тупике Гамсуна» отметил по модной нынче теме сравнения фашизма и **сталинизма**. Обращаясь к творчеству Кнута Гамсуна, проколовшегося, как известно, на симпатиях к Гитлеру, кумулист нашел «принципиальную, неистребимую разницу между фашизмом и **коммунизмом**, которую не сотрут никакие заявления ПАСЕ». Красная де устремлена в будущее, она – идеология модерна, коричневая же – в архаику. Она – «попытка искусственного возвращения в Средневековье и даже глубже». Забористо, но, увы, неверно. Тут-то они близнецы-братья вопреки коммунистической словесной буффонаде. На самом деле сталинский социализм оказался откатом в отдаленную архаику, реанимировав формы рабовладения (ГУЛАГ), феодализма (колхозы), обожествление властителей и т. п. Даже во внешнем антураже вроде ступенчатой пирамиды на Красной площади. Это ведь Египет фараонов» (07.08.09).

К фашистским приравняются советские символы – серп и молот:

«О том, что у Сталина был только один друг – Гитлер, я узнала еще в рижской школе от рискованного практиканта-историка. А в конце 80-х мы увидели плакаты, где между свастикой и **серпом с молотом** стоял знак равенства. Тогда люди узнали о договоре 1920 года, когда Россия «навсегда» отказалась от претензий на территорию Латвии, о пакте Молотова-Риббентропа, который позволил Германии войти в Польшу, а СССР – в Прибалтику. Журналы начали публиковать дневники из сталинских лагерей. Это было откровение» (21.03.08).

Красный флаг, лишенный своего мифического подтекста, отныне – символ российской армии и победы в Великой отечественной войне:

«Спустя 12 лет возрожденный бело-синекрасный стяг окончательно утвердился как государственный в сознании большинства наших сограждан. А красное полотнище заняло почетное, но свое место.

...Другой важной особенностью массового сознания является то, что наше обще-

ство еще более единодушно, чем возрождение государственного флага, приняло утверждение Владимиром Путиным в этом году **красного флага** в качестве знамени армии: 80% опрошенных относятся к этому факту положительно или скорее положительно. При этом социологи «РОМИР мониторинга» подчеркивают, что никакого раздвоения общественного сознания, как это часто случается при опросах на столь важные темы, в данном случае не произошло. Боевая слава всегда воспринималась в нашей стране как непререкаемая ценность, а главную свою победу страна одержала в прошлом веке именно под **красным знаменем** – оно развевалось над поверженным фашистским рейхстагом» (22.08.08).

Мифологемы, которыми изобиловала советская пресса времен холодной войны, в газете «Известия» не встречаются, напротив, ведется борьба с их пережитками в сознании людей:

«**Американский заговор**» – это один из самых мощных мифов не только в России, но и в мире. А вот что говорят цифры: в целом США тратят по всему миру – это гуманитарная помощь, экология, все на свете – 47 млрд. А на поддержку российских гражданских организаций – 65 млн. долларов. Кому идут эти деньги? У меня есть данные за 2010 год – огромный перечень организаций, и среди них нет ни одной оппозиционной политической организации. Эти 65 млн. долларов, львиная доля которых расходуется на правозащиту и информационную защиту, они что, в состоянии изменить внутреннюю политику РФ? Это миф, который нужно разоблачать. У американцев есть своя стратегия, с ней можно соглашаться или нет, – они считают, что чем больше будет в мире демократических государств, где правительства избираются народами и им подотчетны, тем безопаснее будет мир» (11.04.11).

Перейдем от врагов внешних к врагам внутренним. Авторы с горечью вспоминают, как лучших людей страны клеймили иностранными шпионами и вредителями:

«Клеймо **«враг народа»** еще не вошло в обиход, но тюрьмы и лагеря уже были переполнены после многочисленных «дел» рube-

жа 30-х годов (Шахтинского, Промпартии, Трудовой крестьянской партии, процесса вредителей рабочего снабжения, дела об убийстве Кирова). Кровью и потом заключенных возводились **величественные стройки социализма**.

...В 1940 году Вавилова арестуют как **врага народа**, иностранного шпиона, и вскоре он погибнет в тюремной больнице от болезни и истощения. Накануне пресловутой коллективизации этот человек думал о том, как накормить страну, не забывшую голода гражданской войны» (12.10.09).

Чтобы пролить свет на советскую историю, газета разоблачает обстоятельства, в которых осуществлялись поиски врагов народа:

«В 1937–1938 годах на поиски химического оружия на территории артиллерийско-газового полигона в Кузьминках наложили свой отпечаток сталинские репрессии. Некоторые фигуранты той «экологической» экспедиции, боясь за свои жизни, с большим рвением искали **врагов народа**, чем опасную химию.

Солдаты начали поиски химоружия в октябре, имея на руках опись захороненного имущества – она сохранилась. О первых результатах Ворошилову доложили Буденный и член Военного совета, корпусной комиссар Троянker еще 22 октября. За перечнем бочек и боеприпасов, начиненных химоружием, следует вывод: «химия» спрятана **«врагами народа»** и предназначалась для диверсионных целей... Прошу назначить по этому делу специальную комиссию».

К этому времени главный **враг народа** в погонах – маршал Тухачевский – был уже 4 месяца как расстрелян, и военным, на чьем полигоне было закопано столько химии, что ею можно было отравить весь город, несложно было найти козлов отпущения» (15.06.09).

Ознакомление читателей с этими фактами способствует дискредитации советской идеологии. Сам по себе поиск врагов народа представляется авторам газеты «Известия» нелепым, сфабрикованным, поэтому, когда подобные прецеденты возникают в современном мире, они вызывают лишь насмешку, которая лингвистически выражается с помощью иронии и языковой игры:

«Список **«врагов грузинского народа»** пополнился новыми именами. К популярнейшей певице Нани Брегвадзе и блистательному оперному басу Паате Бурчуладзе добавились звезды шоу-бизнеса Тамара Гвердцители, Тина Канделаки и Сосо Павлиашвили. Всех их записали в «**российские агенты**».

Разоблачил **«подрывные элементы»** Леван Рамишвили – глава «неправительственной» организации Институт свободы, снабжающей кадрами правительство Михаила Саакашвили. Местные политологи не без оснований считают его «серым кардиналом» президента и главным идеологом грузинских «младореформаторов» (04.12.09).

Разоблачаются мифологемы **дружба народов и интернациональный долг** – «обкатанные штампы», которыми, по мнению авторов, советская власть прикрывала свои интересы. Их «лживый» характер призывает раскрыть публикация о вводе советских войск в Чехословакию:

«Близилась годовщина ввода танков стран Варшавского договора в Чехословакию – и страницы нашей печати вновь запестрели обкатанными штампами: **«интернациональный долг»**, **«акт бескорыстной помощи»**, **«подрывная деятельность империалистических разведок и антисоциалистических сил в Чехословакии»**. В «Известиях» из номера в номер – материалы, так или иначе возвращающие к событиям годичной давности.

...Наша пропаганда продолжала убеждать мир, что СССР спас Чехословакию от сползания в **капиталистическую пропасть**. При этом с удовлетворением отмечалось, что во время «миротворческой» акции не было пролито ни капли крови. О национальном достоинстве народа, брошенном под гусеницы танков, официальная печать, разумеется, молчала. Напротив, превозносила **«крепнущие узы дружбы»**: только что закончился дружественный визит в Прагу делегации московского горкома КПСС во главе с В. Гришиным. Но и на этих встречах звучал призыв к бдительности: «Правые силы стремятся подорвать традиционную дружбу чехословацкого народа с советским народом» (03.08.10).

Мифологемы **трудовой подвиг, герой труда** и др., связанные с трудовой тематикой, встречаются в газете редко, так как большее внимание уделяется мифологемам, относящимся к советской власти. Однако отношение авторов к советскому труду можно предугадать, исходя из общей позиции газеты. Приведем достаточно яркий пример употребления мифологем этой категории:

*«Он дожил до времени, когда спорт признали, наконец, профессией – и первым из спортсменов, удостоенных золотой звезды **Героя Социалистического Труда**, разумеется, стал Лев Яшин. С вручением награды до кощунственного неприличия затянули – и звезду героя получил почти буквально на краю могилы.*

*В неизбежной переоценке ценностей награда вроде бы и теряет смысл – **труд** на таких условиях ставится узнавшими вкус послабления потомками под сомнение. Но Яшин в исторической перспективе – и обратной, и дальнейшей – не только выше награды, а еще и наполняет, как и подобает настоящему герою, ее значением»* (22.10.09).

Но главными мифологемами, которые подвергаются разоблачению, становятся **коммунизм и социализм**:

*«Идея **победного шествия социализма по планете** всячески внедрялась в массовое сознание. Прозвучала она и в заметках французского публициста Шарля Ароша: «Победа социалистической системы в мировом соревновании неизбежна». Его статья называлась еще более категорично – «**Грядущая победа коммунизма**».*

*Воистину идеи овладевают массами, пересекая границы стран. В том же номере «Известий» узбекский поэт Максуд Шейхзаде, используя любимый жанр своего великого предшественника Омара Хайяма – «рубаи», выдал такое четверостишие: «Все дни недели полним мы трудом,/ Чтобы седьмой вошел как праздник в дом.../ Века готовят **праздник коммунизма!**/ А мы в него как в дом родной войдем...».*

Ответ на эти смелые пророчества можно найти у самого Омара Хайяма: «Вразуми,

всемогущее небо, невежд,/ Где уток, где основа всех наших надежд?/ Сколько пламенных душ без остатка сгорело!/ Где же дым? Где же смысл? Оправдание – где ж?» (03.08.10).

Коммунизм рисуется как строй, лишенный морально-этической основы:

*«**Коммунизм по сути есть вера в историческую необходимость, закономерность, ведущую в светлое будущее. Являясь такого рода верованием, он открывал дорогу для массового «бегства от свободы», перекладывая на историческую необходимость бремя выбора и ответственности. Кстати, и химера совести растворялась в ярком свете будущего дня. Учил же Ленин: морально всё то, что способствует победе коммунизма. А способствование определялось линией партии, чертимой корифеем всех наук – Сталиным. Попробуй, уклонись!»*** (07.08.09).

Капитализм, сменивший коммунизм, занял его место и в советских конструкциях, штампах («**Моральный кодекс строителя капитализма**», «**Как быть рядовому строителю капитализма?**» и т. д.).

Таким образом, несмотря на небольшое количество примеров, в которых советские мифологемы используются для языковой игры, остальные публикации в газете «Известия» нацелены на опровержение их в серьезном тоне, отчуждение от них. Издание, видимо, еще не считает, что они ушли в прошлое, и поэтому старается обличить их, показать, что в советской эпохе не было ничего хорошего, убедить читателя, что возвращение к советскому прошлому ни к чему не приведет. Отсутствие на страницах газеты других точек зрения позволяет четко проследить именно эту линию.

Исследование современных российских изданий позволило нам прийти к заключению об отсутствии целостной непротиворечивой позиции в отношении советских мифологем, формируемой ими. В каждой из газет мифологемы получают различные семантические прибавки. Так, в «Известиях», представляющих собой проправительственное издание, в коннотативную зону употребляемых мифологем советской культуры в большинстве

случаев входят: эмотивная коннотация «кошмар», идеологическая коннотация «не наш», негативная ассоциативная «аура», компонент фидеистической оценки «не верю». При употреблении мифологем возникает смысловой эффект снижения, десакрализации. В частной газете «Коммерсант», нацеленной на деловую аудиторию, наблюдается, в основном, нейтральная эмотивная коннотация и ассоциативная «аура» мифологем, однако фидеистическая оценка и идеологическая коннотация совпадают с позицией газеты «Известия». Возникающий смысловой эффект – ирония. В оппозиционной газете «Завтра» эмотивная коннотация мифологем близка к «идиллии», идеологическая коннотация – «наш», ассоциативная «аура» – гордость за «великое прошлое», фидеистическая оценка – «верю». Мифологемы советской культуры в данном издании адаптируются к современной российской культуре.

Различаются и функции употребления мифологем в каждом из изданий. В газете «Известия» советский миф разоблачается, образы вождей лишаются сакрального ореола, советское получает негативную оценку. «Коммерсант» использует мифологемы в качестве объекта для языковой игры, чтобы с их помощью достичь эффекта иронии и разнообразить язык. Газета «Завтра» прибегает к советским мифологемам с идеологической целью.

Прав был Ю.Н. Караулов, когда писал об огромном влиянии советской культуры на языковое сознание носителей русского языка: «Советская эпоха внесла в русское национальное самосознание специфические черты, которые, отлившись в устойчивые вербальные формы, в стереотипы, на длительный период стали определять отношение к тем или иным сторонам и явлениям действительности, влиять на поведение носителей языка, на позицию «я» в мире» (Караулов, 1994: 202). Журналисты современных изданий, сами того не замечая, воспроизводят те же схемы, против которых ведут войну. Только теперь «чужой» объявлена советская культура.

Литература:

1. Большая советская энциклопедия. – Элект. изд. – Режим доступа к изд: <http://bse.sci-lib.com/>.
2. Быков, Д.Л. Блуд труда: Эссе. – СПб, «Лимбус-Пресс», 2002. – 416 с.
3. Ермакова, О.П. Тоталитарное и посттоталитарное общество в семантике слов // Русский язык / Под. ред. Е.Н. Ширяева. Ополе, 1997. – С. 121–165.
4. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова // Ассоциативный тезаурус русского языка: Русский ассоциативный словарь (АТРЯ). – Кн. 1. – М., 1994. – С. 190–218.
5. Купина, Н.А. Вербализованные идеи новейшего времени: актуальные тенденции и опознавательные знаки советского идеологического кода. Материалы научной интернет-конференции. Екатеринбург 28–29 мая 2008 г. – Элект. изд. – Режим доступа к изд: <http://elar.usu.ru/bitstream/1234.56789/1847/1/Part2+2008-01.pdf>.
6. Кутенева, Т.А. Смысловая динамика базовых идеологем советской эпохи (от идеологии, пропаганды, агитации до пиара): Автореф. дис. на соискание канд. филол. наук. – Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького, Екатеринбург, 2008. – 24 с.
7. Легойда, В. Главная опасность нашего времени // «Pro et Contra». – 1998. – Т. 3, – № 4. – С. 99–113.
8. Лелеко, В.В. Советская мифология как совокупность мифологем. – Элект. изд. – Режим доступа к изд: http://www.culturalnet.ru/main/congress_person/57.
9. Лотман, Ю.М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1982.
10. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. – Элект. изд. – Режим доступа к изд: <http://www.culture.niv.ru/doc/communications/pocheptsov/index.htm>.
11. Программа КПСС. – М.: Политиздат, 1976. – 256 с.
12. Резанова, З.И. Трансформации советских стереотипов и мифологем в дискурсе региональных СМИ // Язык и культура. – Томск: Изд-во ТГУ, 2008, – № 3. – С. 63–72.
13. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е.А. Земская. – М., 1996. – 203 с.
14. Складневская, Г.Н. Слово в меняющемся мире: Русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы // Исследования по славянским языкам. Сеул, 2001. – С. 177–202.
15. Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. М., 2003. – 568 с.
16. Толковый словарь русского языка конца XX в.: языковые изменения / под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
17. Ярцева, В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.